

МУЗЕЙ

Недавно газеты сообщили: в столице открывается Московский музей современного искусства. Его основатель — президент Российской академии художеств Зураб Церетели. Коллекцию, которую он, по собственному признанию, приобретает на свои средства, известный скульптор собирается разместить в центре Москвы в старинном особняке на Петровке, 25 (его называют Домом купца Губина), построенном в начале XVIII века архитектором Матвеем Казаковым.

Сегодня Церетели — полноправный хозяин этого уникального по своей архитектуре особняка, еще недавно бывшего федеральной собственностью и числившегося российским памятником истории и культуры.

Некоторое время назад в редакцию «МН» попало правительственные распоряжение № 1525-р от 22 октября 1998 года, подготовленное в Мингосимуществе. Из него следовало, что «из числа памятников истории и культуры федерального (общероссийского) значения исключаются «два объекта, расположенные в Москве». Московскому правительству рекомендовалось зачислить их в разряд городских достопримечательностей.

В изменении статуса памятников нет ничего предосудительного. Полтора года назад вышел президентский указ, по которому многое из считавшегося ранее национальным достоянием перешло под охрану местных властей. Государство берет на себя ответственность лишь за то, что действительно является национальным достоянием. Ценность его определяют специалисты, а будущее решается в ходе открытых дискуссий. Но вот то, что два московских объекта лишаются государственной опеки, от научной общественности скрыты. Когда же содержание документа стало известно, общественность была потрясена. Из национального достояния оказались вычеркнутыми два здания — творения создателя «московского классицизма» Матвея Казакова.

Первое из разжалованных помещений — Дом Губина. Специалисты считают его шедевром зодчего. Оно в числе немногих уцелело во время пожара Москвы в 1812 году, в нем бывал Наполеон, когда выезжал из Кремля в город. Второе — Дом князей Долгоруких на Пречистенке, 19. Оба эти здания еще в 60-х годах были взяты под охрану государства, а в начале 90-х особый указ президента придал им высший статус — памятник культуры федерального значения.

Что же заставило власти пересмотреть свое отношение к столь чтимому в России архитектуре? Все очень просто. На них положил глаз другой мастер — Зураб Церетели.

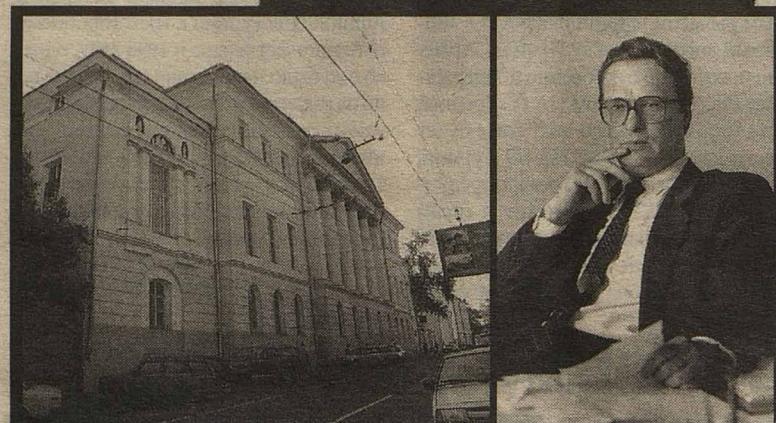
Дело в том, что памятники истории и культуры федерального значения автоматически становятся федеральной собственностью и их приватизация запрещена. Приватизировать такой памятник можно лишь после его передачи в собственность субъекта Российской Федерации (а в нашем случае — Москвы) и понижения статуса до памятника местного значения. Вот и распоряжение № 1525-р понизило «лучшие образцы московского классицизма», чтобы Церетели получил возможность их приватизировать!

ОСОБНЯК ДЛЯ ЗУРАБА

ИСТОРИЯ
О ТОМ, КАК
ЛУЧШИЙ
ОБРАЗЕЦ
«МОСКОВСКОГО
КЛАССИЦИЗМА»,
ПОСТРОЕННЫЙ
МАТВЕЕМ
КАЗАКОВЫМ,
ПОДАРИЛИ
ЦЕРЕТЕЛИ.

Крупный
домовладелец
Зураб
Церетели

ИТАР-ТАСС

Бывший зам. министра культуры Вячеслав Брагин и разжалованные им Дом Губина на Петровке, 25 (слева) и Дом князей Долгоруких на Пречистенке, 19

По мнению независимых экспертов, распоряжение неправомерно, хотя бы потому, что Мингосимущество неполномочено решать вопросы культурного наследия страны.

«МН» обратились в это ведомство с просьбой объяснить, почему архитектор Казаков больше не достояние Отечества? Нам ответили, что новый статус зодчего был согласован с Минкультуры, которое и занимается историко-культурной оценкой памятников. Любопытно только, что в Минкультуры с правительственным распоряжением познакомились спустя несколько месяцев после его выхода в свет. В Уп-

равлении по охране недвижимых памятников культуры и истории очень удивились, обнаружив на документе подпись одного из замов министра культуры — В.И.Брагина. К тому времени он уже пересел в кресло директора Центрального музея Великой Отечественной войны. «МН» поинтересовалась у Вячеслава Ивановича, почему он одним росчерком пера превратил знаменитого архитектора в рядового строителя? Но, увы, он ничего не помнил. Разве что, добавил директор музея, приезжала к нему давно в министерство некая дама Найденова (начальник Департамента недвижимого

имущества Мингосимущества. — Прим. ред.) и говорила, что с правительством вопрос с Домом Губина согласован в аварийном порядке. У него состоялся с нею тяжелый разговор, не имевший продолжения. И тем не менее на оригинал распоряжения № 1525-р расписался именно г-н Брагин.

Объяснить всю эту конфузную ситуацию чиновников от культуры попросил Комитет по культуре Госдумы. Но в ответ получил абсолютную головоломку: культурное ведомство, мол, согласовывая документ, ожидало, «что при его опубликовании здания будут указаны с пообъектной расшифровкой». Министерство предлагало «приостановить реализацию указанного распоряжения, чтобы внести в него ряд уточнений». Вероятно, в думском комитете так и не смогли расшифровать столь загадочное письмо и больше не пытались внести какую-то ясность в историю с Казаковым. В министерстве же о своих благих намерениях тут же забыли. А тем временем казаковские дома потеряли свой федеральный статус, и Церетели благополучно оформил на них право собственности. Злые языки утверждают, что они до сих пор так и не объявлены местным наследием. Однако Виктор Буличников, начальник Управления госконтроля, охраны и использования памятников истории и культуры Москвы, в частной беседе с корреспондентом «МН» заверил его, что эти два особняка московские власти сразу же взяли под свою охрану. А Зураб Константинович подпись «охранные обязательства».

Так что будущий Московский музей современного искусства — это личная коллекция Церетели в его же личном особняке.

Между тем из распоряжения московского правительства о создании нового музея следует, что учреждают его мэрия с Академией художеств. Но если первый учредитель берет на себя обязательство его финансировать, то совершенно не ясен вклад Академии художеств, бедной, как церковная мышь!

В Минкультуры РФ, где уже осведомлены о новом почине Церетели вкупе с московской администрацией, нам сообщили, что будущему музею весьма сложно получить лицензию на музейную деятельность, которую выдает это ведомство. Дело в том, что в «Законе о музеях» прямо сказано: учредителем выступает только собственник коллекции. В нашем случае — это все тот же Церетели. Но вдруг в культурном ведомстве опять не владеют информацией! Может быть, Зураб Константинович надумал идти стезей купца Третьякова и дарит свое собрание с особняком городу! Просто он об этом еще не объявил вслух. Готовит нам сюрприз!

Татьяна АНДРИАСОВА

БЫЛА ОЧЕНЬ ПОДЛЕГАЮЩАЯ ВРЕМЕНИМ

В Доме Губина на Петровке, 25 находился Институт ревматологии. В 1990 году он выехал, и у дома появился новый соискатель — общественный фонд поддержки программ ЮНЕСКО «Национальный фонд» (к ЮНЕСКО никакого отношения не имеющий), созданный в 1991 году Церетели. 30 декабря 1994 года по распоряжению № 2015-р, подписанному Черномырдиным, особняк переходит в «бессрочное безвозмездное пользование фонда для размещения там «Музея современного искусства».

Особняк Дома князей Долгоруких на Пречистенке, 19 соседствует с Академией художеств. Минобороны размещало в нем редакции журналов, цензуру, библиотеку. По слухам, Церетели вел с военными долгие переговоры, прежде чем они решили освободить дом. Судя по распоряжению № 1525-р, московское правительство в обмен на здание должно было выделить для Минобороны 6000,3 квадратных метра жилой площади. По неофициальным источникам, квартиры для военных покупал сам президент Академии художеств.

ДОСЬЕ «МН»